

— Ш-ш-ш... Бешеный пес!

Стоило скрыться с чужих глаз, как уверенная походка Лингуана дрогнула. Он опустил взгляд: бедра были сплошь усеяны следами зубов. Сквозь поры проступали капли крови, запекаясь уродливыми багровыми пятнами на бледной коже ног.

Проведя ладонью по ранам, Лингуан поморщился и нетвердой походкой вошел в свои покои, буквально завалившись внутрь.

Плотные портьеры были задернуты, погружая комнату в полумрак, похожий на глубокую ночь. Стоило искусственному интеллекту-дворецкому закрыть за ним дверь, как исчез последний луч света.

Поставив Фонарь призыва душ на алтарь, Лингуан достал бутылку вина и две чаши. Запрыгнув на край алтарного стола, он прислонился к стене. Стоило повернуть голову, как взгляд упирался в поминальную табличку покойного супруга.

Покачивая ногой, он не спеша наполнил обе чаши — себе и мужу. Обняв бутылку, он сердито выругался сквозь зубы. Осушив несколько чарок, Лингуан утер губы и протянул ладони к Фонарю призыва душ, бережно прикрывая его сверху.

Этот светильник не был великим сокровищем — старинная вещица, созданная еще до династии Шан. В эпоху Ся он служил ритуальным сосудом для подношений Лазурному Дракону, затем долго кочевал по свету, превратившись в артефакт для поддержания угасающих душ, пока наконец не попал к Лингуану, который переделал его в Фонарь призыва душ.

Прикрыв глаза, Лингуан направил внутрь духовную силу. Он отчетливо ощутил, как хрупкая, едва теплящаяся душа откликнулась на его зов, из последних сил стремясь прильнуть к нему в слабом, едва уловимом порыве.

Из пламени вырвались крошечные искры духовного света. Подхваченные невидимым сквозняком, они закружились в воздухе, окружая Лингуана сиянием, похожим на миниатюрную звездную систему.

В абсолютной темноте Лингуан сидел с закрытыми глазами, пока мириады светящихся пылинок плыли вокруг него. словно рукав Млечного Пути, они озаряли мягким мерцанием его точеный профиль, ласково касаясь кончика носа.

Лингуан открыл глаза. Стоило ему убрать силу, как волшебство рассеялось, растаяв в воздухе подобно угасающему фейерверку.

Он медленно выдохнул, сделал глоток холодного вина и со вздохом прислонился к поминальной табличке покойного мужа.

— Из-за меня кто-то погибнет, — невнятно пробормотал он, чувствуя, как хмель приятно затуманивает разум. — Но я ни о чем не пожалею.

Прижавшись щекой к дереву таблички, Лингуан закрыл глаза. В мыслях тут же всплыла теплая улыбка супруга.

Ао Цин всегда был воплощением нежности. Словно первый весенний ветерок, колышущийся летний цветок, багряный клен золотой осенью или мягкое зимнее солнце...

Вечно сострадательный, вечно ласковый, он продолжал жить лишь в осколках памяти да мимолетных снах.

Обнимая бутылку и поджав колени, Лингуан дремал, привалившись к холодному дереву. Красивое лицо даже во сне оставалось напряженным, а брови были хмуро сведены.

Ему казалось, что он грезит наяву.

В этом полузабытии он вдруг увидел Ао Цина.

Тихий зимний день. Ао Цин в темно-зеленом вязаном свитере мягко, но с легким вздохом увещевает кого-то:

— Ну же, тише, успокойтесь все. Не нужно ссориться.

— Да кто ссорится? В конце концов, это касается только людей! Какое нам дело, если они все вымрут? Может, без них нам станет только лучше!

— Что за вздор? Сам Небесный Путь благоволит человеческому роду. С чего ты взял, что гибель людей пойдет нам на пользу?

— Когда духовной энергии мало, вы ноете, что в период упадка гибнут Яо. Когда ее становится много, вы твердите, что пробуждение истоков погубит людей! И так нельзя, и этак плохо. Прекрасно, теперь мы все сдохнем!

«Ах... Кажется, это был первый год, когда вспыхнула болезнь избытка духовной энергии»

Лингуан смутно помнил те дни. В полусне он попытался приподняться. Ао Цин сразу заметил это движение, поднялся со своего места и присел рядом, ласково погладив его по волосам.

— Мы разбудили тебя, А-Лин? — негромко спросил Ао Цин и бережно прикрыл ладонями его уши, точно убаюкивая ребенка. — Потерпи, мы скоро закончим.

Образ Ао Цина дышал прежней нежностью, но сознание Лингуана оставалось затуманенным: он никак не мог разглядеть его черты. Лица остальных собравшихся тоже расплывались нечеткими пятнами.

Заметив, что Лингуан очнулся, они гурьбой бросились к нему, наперебой выкрикивая свои обиды:

— Божественный Лорд, рассудите нас! Разве я паникую на пустом месте? Это ведь серьезная беда!

— Подумаешь, от избытка духовной энергии погибнет горстка людей. Кто-нибудь слышал, чтобы от изобилия ци умирали Яо? Что за нелепость!

— Но ведь среди наших тоже есть жертвы! Как можно называть это пустяком?

— Да с чего ты взял, что тот бедолага лопнул от переизбытка энергии? Может, он просто не перенес испытание грозой при вознесении!

Яо шумели, перебывая друг друга, и никто не желал уступать.

Вдруг раздался ровный голос Ао Цина:

— Хватит.

Его тон был твердым, исполненным тяжелой решимости:

— Я понял вашу позицию. Передайте людям, чтобы готовились. Мы остановим пробуждение духовных истоков.

— Что?! — застыли в ошеломлении присутствующие, лишившись дара речи.

С падения династии Мин они ждали этого великого возрождения три сотни лет. И теперь им велят отказаться от него лишь потому, что гибнут какие-то люди?

Где справедливость?

Это противоречило всякому здравому смыслу!

Однако всегда мягкий Божественный Лорд Лазурный Дракон на сей раз проявил нестигаемую жесткость. Он обвел взглядом собравшихся, и в его глазах читалась непреклонная властная воля:

— В этом мире нет благородных и низких созданий, перед лицом шести путей реинкарнации все равны. Если мы закроем глаза на гибель людей ради обретения силы, рано или поздно кара настигнет и расу Яо. Это мое решение. Люди должны быть предупреждены.

Он сурово оборвал ропот тех, кто пренебрегал чужими жизнями, и приказал старейшинам из фракции сторонников союза с человечеством немедленно начать переговоры.

Закончив с делами, строгий Божественный Лорд опустил голову и тихо вздохнул:

— А-Лин, поступаю ли я правильно?

Лингуан замер. Глядя сквозь дымку сновидения на супруга, которого не видел тысячу лет, он задал тот же вопрос:

— А я... поступаю ли правильно?

Призрачный Ао Цин мягко улыбнулся:

— Разве мой А-Лин делает что-то, в чем сомневается?

— Я совершаю ужасную ошибку, — ответил Лингуан. — Из-за меня оборвется невинная жизнь.

— И ты раскаиваешься?

Лингуан задумался. Раскаивается ли он?

— Из-за меня погибнет ни в чем не повинное существо. Но я ни о чем не пожалею.

«Только бы вернуть тебя»

— Я тоже собираюсь сделать кое-что, — отозвался Ао Цин. — Не знаю, благо это или грех, но платой за мой выбор станут многие жизни.

Он сжал ладонь Лингуана. Тот прекрасно понимал, о чем идет речь.

Поначалу болезнь избытка духовной энергии косила лишь людей. Однако по мере безумного

роста концентрации ци недуг добрался и до слабейших представителей расы Яо.

Духовная энергия медленно убивала их: переполняя тела, она превращала живую плоть в смертоносные снаряды, которые взрывались изнутри всего за несколько дней.

Покойный муж, Ао Цин, предвидел этот исход с самого начала. Собрав уцелевших людей, он использовал силу земных жил и государственную судьбу, чтобы запечатать сам источник пробуждения духовной энергии.

Увы, далеко не все племена и расы понимали значимость его замысла.

Западная Фантастическая духовная раса осознала угрозу слишком поздно. Окрыленные ложной уверенностью, они попытались вторгнуться на Восток, в то время как другие человеческие фракции вознамерились поглотить великую цивилизацию с пятитысячелетней историей.

Ао Цин проиграл и одновременно одержал победу. Жертв было не счесть, но ему удалось отсрочить великое возрождение духовной энергии на долгие три года.

Спустя три года остатки человечества смогли покинуть планету и устремиться в бездну звездного океана, обретя там новую жизнь.

Явившийся из будущего, сквозь толщу тысячи лет Лингуан прошептал своему спящему прошлому:

— Ты все сделал правильно. Пусть погибло множество людей...

— Но в итоге ты спас всех.

— В таком случае, — Ао Цин нежно коснулся пальцами его лица, — я верю, что и мой А-Лин поступает правильно.

«Да, я спасу тебя.

Точно так же, как тысячу лет назад ты подарил будущее всем расам, отправив их к звездам.

Я иду по пути твоего спасения»

Раздался негромкий стук — опустевшая чаша выскользнула из пальцев и покатилась по полу.

За окном беззвучно падал первый зимний снег. Ледяной сквозняк шевелил плотные портьеры, лаская лицо спящего Лингуана.

<http://bllate.org/book/20308/2132642>